

Андрей Лазарчук
Ирина Андронати

КОСМОПОЛИТЫ

Малой кровью

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Л17

Лазарчук А., Андронати И.

Л17 Космополиты : Малой кровью : [роман] / Андрей Лазарчук, Ирина Андронати. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 387 с. — (Серия «Пальмира — фантастика»).

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбореализмом».

Милитаризм, многоходовки, перепрограммированные мозги и детективные убийцы, светлое отчаяние и счастливый конец. Одним словом, Земля — вербовочный пункт для победившей Империи.

В Империи все как обычно — грызня и интриги, сплетни и заговоры.

А на поле боя всё — ценою крови. И лучше бы малой крови. Даже если эта кровь будет твоей...

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-521-73921-9

© Лазарчук А. Г., Андронати И. С., 2021
© Оформление.

АО «Т8 Издательские технологии», 2021

*И воюем мы малой кровью и всегда
на чужой земле,
Потому что вся она нам чужая.*

Дмитрий Быков

ПРОЛОГ

Станция Слюдянка, 01.09.1987

Сидели втроём на старых выбеленных брёвнах, глядели на Байкал. Старательно не говорили о главном. Передавали друг другу зелёную помятую фляжку с «клюковкой» — питьевым спиртом пополам с мёдом и клюквенным соком. Здесь, в некотором отдалении от посёлка, можно было не опасаться ретивого участкового, поборника принудительной трезвости...

Лисицын прожил в Слюдянке уже две недели, дольше всех, поэтому считался главным. По крайней мере в вопросах, связанных с едой и выпивкой.

— Давид, — позвал он.

— М? — лениво откликнулся Давид, по виду совсем ещё мальчишка — узкие плечики и гусиная шея с огромным, в кулак, плохо пробритым кадыком.

— Ну признайся — ты же ещё в армии не служил. Тебе же лет пятнадцать.

— Обсуждать запрещено, — сказал Давид, выковырнул из-под ног плоский камушек и неловко запустил блинчиком. Камушек три раза плюхнул по воде и утоп.

— Да ладно, все свои. Ну, где ты такой мог служить?

— В ПВО, — сказал Давид. — В авиации, в БАО. В войсках связи. В РВСН. Где ещё? Ну, просто в штабах — нужен же там человек, который умеет расставлять запятые... На флоте ещё.

— Евреев на флот не берут.

— Ну, во-первых, берут. Во-вторых, я не еврей. Я — тат. У нас тоже в ходу библейские имена.

— Ты — кто? — повернулся всем корпусом Стриженов.

— Тат. Есть такое кавказское племя. При царе промышляло тем, что похищало чеченцев и продавало их в рабство. «Как тат в ночи» — слышал такое?

— Чеченцы у меня в роте служили, — сказал Лисицын. — С одной стороны, намаялся, а с другой — в деле им цены не было...

— Обсуждать запрещено, — снова сказал Давид.

— Да ладно тебе. Кто настучит-то? Все свои, — помогал тяжёлой башкой Стриженов.

— О чём знают двое — знает и свинья, — сказал Давид. — Дождёмся конечного пункта, тогда всё обсудим. Не зря же нам этим «низзя» все уши прожужжали.

— Бляха-муха, и не побазарить... — вздохнул Лисицын. — Про баб — напряжно. Про водку — ещё больше напряжно. Всех разговоров-то и быть могло, что про Афган да про Чернобыль...

— А я ни там, ни там не был, — сказал Стриженов. — Мне, получается, вообще не о чем.

— Может, это что-то вроде теста, — сказал Давид.

— Какого теста? — не понял Стриженов.

— Не те-еста, а тэ-эста, — сказал Давид. — Типа проверки. «Да» и «нет» не говорите...

— Мне вообще-то намекали, что нас должно быть четверо, — сказал Лисицын.

— А мне вообще ничего не намекали... — Давид выковырнул ещё один камешек и кинул его — на этот раз удачнее, на шесть плюхов. — Велели просто сидеть на попе и ждать.

— Может, разыграли нас, как пацанов? — сказал Стриженов, глядя вдаль сощуренными красноватыми глазками без ресниц. — Хотя резона не вижу.

Он был абсолютно лыс и почти безбров. На днях, треская под скверное жидкое пиво божественных вяленых омульков, он рассказал, как потерял волосы. У него несколько лет назад возник роман с женой другого офицера, из части, расквартированной километрах в ста от его собственной. Это было где-то на Каспии. С полгода они встречались тайно, а потом поняли, что друг без дружки не могут. И тогда Стриженов решил свою суженую (он называл её Мышей) украсть — сугубо в местных традициях. Мы вообще постепенно с ума сходили, говорил он, ну, такое уж там солнце, ничего не поделаешь. Он выпросил у сослуживца старенький «жигуль», среди ночи смотался к соседям, пробрался на территорию, забрал Мышу — и они поехали обратно, чтобы начать новую жизнь. Где-то на полпути их ослепило белым и как бы непрозрачным светом... и потом Стриженов пришёл в себя уже утром, как будто со страшного похмелья — и один. Мыши не было даже следов... Потом последовали долгие разбирательства, началось было следствие, но довольно быстро прекратилось, и прекратилось из-за вмешательства КГБ. Теперь

к нему относились то ли как к свидетелю, то ли как к подопытному. Во всяком случае, допросы были очень странные. Наконец ему предложили глубокий гипноз, он согласился — и вот во время этого-то сеанса (а сеанс растянулся на четверо суток, его никак не могли разбудить) он сначала поседел, а потом у него выпали все волосы на теле. Ему категорически отказались сообщить, что именно из него вытянули, сказали только, что это совсекретно и что он ни в чём не виноват, и вообще в той чудовищной ситуации вёл себя вполне достойно...

Но постепенно что-то в памяти стало возникать — блёклыми ненадёжными картинками. В общем, получилось так, что эти картинки его сюда, в Слюдянку, в конечном итоге и привели.

По горизонту медленно-медленно ползло судёнышко. Небо позади него было бледным, выгоревшим за лето.

— Красиво здесь, — сказал Давид. — И, что характерно, за все дни — ни одного комара. Я думал, Сибирь — от них не продохнуть...

— Осень, — Лисицын приложился к фляжке и передал её Стриженову. — Я вот ещё застал последних слепней, застал... А что красиво, то красиво. Как бы ни заживали природу...

Он плюнул в полоску прибоя, где на трёхсантиметровых волнах покачивались куски древесной коры, размокший картон, бутылочное горлышко и клочья какой-то сероватой пены.

— А ещё здесь облака интересные, — продолжал он спустя минуту. — Первый раз в жизни видел, как облака крест-накрест идут и сталкиваются. И сразу башни какие-то громоздятся, медведи... как та Медведь-гора

в Крыму. Я ещё совсем пацаном был, мы с братом поплыли вокруг неё на матрацах. И накрыло нас штормом. Ну, вылезли мы даже не на пляжик — какой там может быть пляж, отвесная стена, — а выбило волнами нишу такую: три на полметра. Сидим, заливает нас, конечно, ветер, дождь, похолодало сразу — а потом сверху камни стали сыпаться. Я сижу, матрацем прикрывшись, а брат встал и на шаг отошёл — отлить. И вот точно между нами — глыба тонны две-три — как даст! Хорошо, она не с высоты катилась, а прямо над нами от скалы оторвалась, подмыло её... но всё равно: и осколками посеколо, и ушибло чем-то сильно, но это потом разобрали, а тогда — схватили матрасики и в прибой, там не так страшно... Часа три выгребали, но выгребли как-то. Руки вот тут, повыше локтей, о резину до мяса стёрли...

Сзади раздался гудок электровоза, а потом ближе и настойчивее — автомобильный сигнал. Все оглянулись. На дороге, метрах в пятидесяти, стоял защитного цвета ГАЗ-51; вместо привычного кузова у него была фанерная будка с сильно запylёнными автобусными стёклами по бокам и ржавой железной крышей, сквозь которую выходила наружу длинная дымовая труба с «грибком» на конце. С подножки кабины им махала рукой девушка Тамара; впрочем, Давид подозревал, что её звали иначе, потому что на имя своё она реагировала с крошечным, но всё же запозданием.

— Во, и Морковка здесь, — сказал Стриженов, поднимаясь. Он завертел флягу и сунул её в карман своих необъятных штанов. — Интересно, и она с нами?

— Вряд ли, — сказал Лисицын. — Нас проводит и — за следующей партией... А почему Морковка?

— Я её когда первый раз увидел, она рыжая была, как морковка. Потом перекрасилась...

Давид напоследок запустил «блинчики», и на этот раз очень удачно — камушек выбил дюжину кругов, а потом просто пробороздил по воде длинную полугую дугу и исчез без всплеска. Давид постоял ещё чуть-чуть — вдох, выдох, вдох — и побежал вдогонку остальным.

Тамара уже шла навстречу.

— Привет, мальчики! Простите, что так долго вам ждать пришлось... неувязки всякие. Но теперь уже всё, сейчас прямо и поедем...

Она обняла Стриженова, чмокнула в щеку, потом — Лисицына. Потом Давида. И снова Давид удивился себе, что в ответ на её прикосновение, вроде бы очень ладной и привлекательной девушки, ничего не почувствовал. Но, как и прежде, не подал виду.

— Заберём ваши вещи, подхватим ещё одного товарища на станции — и вперёд!

В будке пахло нагретым кожзаменителем и пылью. Через открытый лючок в потолке било солнце, и в воздухе косо висел яркий, будто свежеструганный, брус света.

Давид занял место впереди у окна, оглянулся на брёвна, где они сидели три минуты назад. Из-за того, что стекло было пыльным и не слишком прозрачным, казалось, что брёвна остались в глубоком прошлом. Так смотрят старую потрёпанную киноленту...

(Через час сюда придёт человек, пороется под бревном и достанет записку. Следующее своё послание в Центр лейтенант спецназа ГРУ Давид Юрьевич Хорунжий сможет передать только через шестнадцать лет...)